БАЙКАЛ

Книга третья: Мир без неба



Матвей Листвянов

Матвей Листвянов

Байкал. Книга третья: Мир без неба

«Автор»
2026

Листвянов М.

Байкал. Книга третья: Мир без неба / М. Листвянов — «Автор», 2026

Третья книга уводит героев туда, где никогда не бывает света, — в подводныеглубины Байкала, где живут существа, каких нет больше нигде на Земле:прозрачная голомянка Люся, крошечный рачок-эндемик Эпик и мудрый дедОмуль. Настоящие батискафы «Мир-1» и «Мир-2», однажды и вправдупогружавшиеся на дно Байкала, становятся частью приключения, а подлиннаятайна глубин — свечение в кромешной темноте и загадочный «горючий лёд» надне — звучит почти как фантастика, хотя целиком основана на фактах. Книга омире без неба, который оказывается не страшнее, а удивительнее подводного миранад головой.

© Листвянов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 6
Глава 1. Погружение 7
Глава 2. Прозрачность 12
Интерлюдия. Борис под водой 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Матвей Листвянов
Байкал. Книга третья: Мир без неба

БАЙКАЛ
Книга третья: Мир без неба

Матвей Листвянов

Содержание

Глава 1. Погружение
Глава 2. Прозрачность
Интерлюдия. Борис под водой
Глава 3. Мир из трёх миллионов фильтров
Глава 4. Пятьсот метров
Интерлюдия. Наверху, пока остальные внизу
Глава 5. Дед Омуль
Глава 6. Тысяча шестьсот сорок два метра
Глава 7. Подарок Бориса
Глава 8. Байкал живой
Глава 9. Всплытие
Глава 10. Возвращение домой начинается отсюда

Глава 1. Погружение

Письмо пришло на турбазу за неделю до прилёта группы — плотный конверт с гербом Лимнологического института СО РАН, который профессор Глафира открыла на кухне при всех, поправив очки с торжественностью, обычно приберегаемой для защиты диссертаций.

— Разрешили, — сказала она, пробежав глазами первый абзац, и в её голосе прозвучало нечто, чего Аля не слышала от совы ни разу за все годы соседства. — Сорок два года я подавала заявки на использование исследовательского аппарата для собственных нужд. Сорок два года мне вежливо отказывали — аппарат дорогой, ресурс ограничен, очередь из настоящих экспедиций на годы вперёд. А в этот раз, — она перечитала строчку ещё раз, будто не веря, — согласились. Из уважения, как написано, к «многолетнему вкладу в изучение экосистемы озера» и, я подозреваю, из чистого любопытства, что именно я собираюсь делать с батискафом в компании семерых иностранных зверей.

— А старая дедовская карта? — не удержался Степан. — Та, что Михаил нашёл зимой. Ты же приложила фотографию символа к заявке, как последний аргумент.

— Приложила, — сказала Глафира с лёгким смущением учёного, пойманного на не вполне строгом методе. — Архивариус института опознал похожую пометку в документах шестидесятых годов и явно загорелся желанием выяснить, что она означает на самом деле, не меньше меня самой. Подозреваю, именно это окончательно склонило чашу весов в нашу пользу, а не только сорок два года моей настойчивости.

— Это тот самый аппарат, про который ты рассказывала зимой? — уточнил подошедший Степан. — С телескопом?

— Нет, телескоп — отдельная история, он стоит на месте, глубоко подо льдом зимой, и слушает, а не смотрит, — поправила Глафира. — Это другое. Институт держит небольшой обитаемый аппарат, наследник куда более крупных машин, которые настоящие учёные — и, если верить архивам, даже кое-кто из руководства страны — использовали здесь ещё в две тысячи восьмом и девятом годах. Тогда люди спускались на дно Байкала, в самую глубокую его точку, у мыса Ижимей — тысяча шестьсот сорок два метра, ровно та цифра, которую вы уже слышали от Степана в первый вечер знакомства. С тех пор больших экспедиций почти не было — слишком дорого, слишком редко находится повод. Но маленький институтский аппарат остался, для локальных исследований помельче. Обычно на нём катаются только сотрудники института. Сегодня у нас будет исключение.

Группа прилетела через неделю — то же лето, что и год назад, только теперь без единого нервного вздрагивания в самолёте: Симба привёз всего два шарфа вместо пяти, а Жора заранее выяснил у авиакомпании точную высоту дверных проёмов в терминале и заранее знал, в каком месте пригибаться.

— Возвращение бывалых, — сказал Степан, встречая их всё с той же обтрёпанной табличкой. — В прошлый раз вы боялись жары. Потом боялись холода. Что боитесь сегодня?

— Глубины, — честно ответила Элли, ещё не зная, насколько точным окажется это слово через несколько часов.

От аэропорта на этот раз путь лежал дальше по берегу — мимо турбазы Али, к небольшой пристани научной базы, — и вся дорога прошла в оживлённом сравнении впечатлений с предыдущими визитами: Симба придирчиво разглядывал каждую попадавшуюся навстречу лужу, будто проверяя, не замёрзнет ли она внезапно назло ему, а Жора всю дорогу переспрашивал у Степана, не будет ли на новом месте очередной низкой двери, поджидающей его специально.

— На научной базе потолки высокие, — заверил Степан. — Учёные строили для приборов, а приборы не любят наклоняться. Тебе повезло — наконец-то, уже на третий твой приезд.

— Не сглазь, — пробормотал Жора, впрочем, заметно приободрившись.

На пристани их встретил невысокий, взъерошенный выдрёныш в мешковатом форменном жилете института, представившийся с той смесью робости и гордости, какая бывает у молодых специалистов на первой серьёзной должности.

— Тимофей, — сказал он, пожимая каждому лапу по очереди и явно стараясь не заглядываться на Жору дольше приличного. — Младший пилот-стажёр. Обычно вожу приборы туда-обратно и записываю показания. Сегодня впервые в жизни повезу настоящих гостей, а не датчики.

— Волнуешься? — с сочувствием спросила Зара, заметившая, как он то и дело поправляет и без того аккуратный воротник жилета.

— Немного, — признался Тимофей. — Обычно на «Нерпе» тихо — датчики не задают вопросов и не разочаровываются, если что-то пойдёт не совсем гладко. С вами, подозреваю, будет иначе.

— С нами всегда иначе, — заверил его Симба с широкой, покровительственной улыбкой. — Привыкай постепенно.

Пока шли по деревянному настилу к воротам базы, Зара, никогда не упускавшая случая уточнить детали для будущей статьи, принялась расспрашивать Тимофея о самом аппарате — давно ли он служит институту, сколько раз спускался под воду, случались ли поломки на такой глубине.

— Аппарату почти пятнадцать лет, — охотно отвечал Тимофей, для убедительности загибая когти на лапе, будто считал вслух. — Не новый, но проверенный вдоль и поперёк. Поломки, конечно, случаются — это ведь машина, а не сказочный ковёр-самолёт, — но мы проверяем всё по три раза перед каждым погружением. Сначала я, потом старший инженер, потом снова я, на всякий случай.

— На всякий случай — это на какой именно? — уточнил Бао с профессиональным интересом.

— На случай, если я в первый раз что-то пропустил от волнения, — честно ответил Тимофей. — Мне до сих пор не до конца доверяют с первого раза, если совсем откровенно. Хотя, признаться, за два года службы я ни разу не подвёл проверку насовсем — только один раз перепутал местами два одинаковых на вид болта, и то старший инженер заметил это раньше, чем успела случиться беда.

— Здоровое недоверие к самому себе — неплохая страховка от катастроф, — добавила Зара, делая очередную пометку в блокноте.

— Мне тоже так говорят, — вздохнул Тимофей, — хотя звучит это не слишком лестно, когда слышишь это уже в третий раз за месяц от разных зверей.

— Зато честно, — заметил Жора примирительно. — А честность здесь в цене больше, чем самоуверенность.

Дорога от причала до самих корпусов заняла всего несколько минут, но эти минуты оказались богаче впечатлениями, чем иная целая экскурсия: пахло здесь совсем не так, как на турбазе Али, — не дымом и не рыбой, а машинным маслом, лёгким озоном от работающих приборов и чем-то отдалённо больничным, вроде дезинфицирующего раствора. Откуда-то из открытого окна одного из корпусов доносилось ровное, деловитое попискивание приборов, а на крыше исследовательского здания медленно вращалась спутниковая тарелка, провожая взглядом облака.

— Здесь всегда так тихо? — шёпотом спросила Мими, невольно понизив голос, будто оказалась в библиотеке, а не на морской базе.

— Только когда ничего не измеряют, — ответил Тимофей с улыбкой. — А измеряют здесь почти всегда что-нибудь. Привыкнете к тишине через полдня, обещаю.

Научная база оказалась совсем не похожей на турбазу Али — вместо деревянных домиков с резными наличниками здесь стояли приземистые лабораторные корпуса с рядами антенн на крышах, а у причала покачивалось само судно экспедиции — куда крупнее рыбацкой лодки Михаила, выкрашенное в бело-синий цвет с крупной надписью «ЛИН СО РАН» на борту.

— ЛИН — это институт? — уточнил Жора, разглядывая надпись с любопытством.

— Лимнологический институт, — пояснила Глафира с явной гордостью. — «Лимнология» — наука об озёрах, если это слово вам ещё не встречалось. Считайте, что вы приехали не просто к воде, а прямиком в дом к тем, кто изучает эту воду профессионально уже много десятилетий.

На борту их встретил ещё десяток сотрудников института — кто-то в лабораторных халатах, кто-то в рабочих комбинезонах, — каждый из которых на мгновение отрывался от своих приборов, чтобы с нескрываемым любопытством взглянуть на процессию из семи разноцветных зверей, шагающую по палубе вслед за Глафирой.

— Не первый раз к нам приезжают необычные гости, — заметил пожилой ондатр с седыми усами, представившийся начальником экспедиции, — но, признаться, за все мои тридцать лет службы гости ещё не бывали настолько… разнообразны по видовому составу.

— Мы стараемся, — с достоинством ответил Симба, явно довольный произведённым впечатлением.

Батискаф стоял на пирсе научной базы недалеко от турбазы — приземистая жёлтая капсула на массивной раме, с двумя круглыми иллюминаторами по бокам и люком наверху, куда вела шаткая металлическая лесенка. Рядом суетился Борис, проверяя крепления и что-то подкручивая гаечным ключом с той же сосредоточенностью, с какой достраивал лодки.

— Институт прислал аппарат, а обслуживать некому на месте, — пояснил он, не отрываясь от работы. — Позвали меня. Сказали: «Вы же строите лодки, которые не тонут». Я сказал: «Строю лодки, которые не тонут специально. Ваша штука специально тонет». Всем понравилась шутка. Взяли на работу.

— Ты умеешь чинить батискафы? — недоверчиво спросил Жора.

— Учусь, — признался Борис. — Дерево и металл слушаются разных законов, но оба не любят, когда торопятся. Дальше как обычно: смотришь, слушаешь, не спешишь.

Название аппарат носил простое и рабочее — «Нерпа», выведенное облупившейся белой краской на боку жёлтого корпуса, — и Мими, разумеется, немедленно потребовала сфотографировать себя рядом с надписью, пока остальные разглядывали кабину изнутри через открытый люк.

Внутри оказалось тесно — гораздо теснее, чем ожидал кто-либо из группы: два узких сиденья, панель с приборами, три маленьких круглых иллюминатора и ровно столько свободного пространства, чтобы поместиться вдвоём с пилотом, не касаясь друг друга локтями.

— На сколько человек рассчитан аппарат? — спросил Бао, заглядывая внутрь с профессиональным интересом.

— На пилота и одного пассажира, — ответила Глафира. — Иногда, при крайней необходимости, на двух пассажиров сразу, если оба не возражают против тесноты. Больше — физически невозможно. И это не обсуждается: вес рассчитан заранее, до последнего килограмма, инженерами, которые знают о плавучести больше, чем любой из нас.

Симба, просунувший было голову в люк из чистого любопытства, тут же с трудом вытащил её обратно, слегка ударившись гривой о край.

— Тесновато для царя зверей, — пожаловался он, впрочем, без настоящей обиды.

— Царь зверей может остаться на палубе и командовать оттуда, — невозмутимо предложил Тимофей, чем заслужил одобрительный смешок от Зары.

Раджа, напротив, заглянув внутрь, отметил с философским спокойствием:

— Меньше пространства — меньше поводов для суеты. Возможно, именно в такой тесноте легче всего наконец услышать тишину, а не создавать собственную.

— Или удариться головой о приборную панель при первом же резком повороте, — практично заметил Бао, уже успевший дважды стукнуться макушкой о низкий потолок кабины, пока разглядывал показания приборов.

Наступила пауза — не долгая, но заметная, из тех пауз, что случаются, когда все одновременно думают об одном и том же, но не решаются сказать вслух первыми.

Элли посмотрела на люк аппарата — узкий, круглый, размером немногим больше форточки, — потом на собственный внушительный силуэт, потом снова на люк.

— Я не полезу, — сказала она первой, стараясь, чтобы голос звучал легко и небрежно, как обычная шутка. — Даже пробовать не буду. Незачем всем стоять и смотреть, как я застреваю в дверях, словно Жора в июле прошлого года.

— Мы можем попробовать, — начал было Жора, но Элли покачала головой, всё ещё пытаясь удержать беспечную улыбку, которая, впрочем, у неё плохо получалась.

— Дело не только в размере люка, — сказала она тише. — Дело в весе. Я вешу больше, чем весь остальной груз аппарата вместе взятый, наверное. Это не про застрять. Это про то, что вся эта конструкция просто не всплывёт обратно, если я туда сяду. Я умею считать, даже если притворяюсь, что не умею.

Никто не нашёл, что ответить сразу, и это молчание оказалось хуже любых неуклюжих утешений.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал наконец Борис, откладывая гаечный ключ и глядя на Элли с непривычной для себя прямотой. — Не обещаю сегодня. Не обещаю завтра. Но придумаю.

— Не надо ничего придумывать специально ради меня, — сказала Элли, уже отступая от аппарата на пару шагов, будто освобождая место для тех, кому повезло больше. — Правда. Я буду наверху, на палубе научного судна, ждать с термосом чая и слушать рассказы, когда вы вернётесь. Это тоже неплохой способ провести день.

Голос её звучал ровно, почти весело, — и только Аля, стоявшая рядом, заметила, как крепко слониха сжимает собственный хобот, будто удерживая им что-то, что иначе могло бы вырваться наружу некстати.

Мими, обычно первой бросавшаяся заполнять любую неловкую паузу шуткой или предложением сняться вместе, на этот раз промолчала — и, отведя Элли в сторону, тихо сказала ей то, что не решилась произнести вслух перед всей группой:

— Мне тоже не всё в этой поездке под силу, — призналась она. — Я боюсь высоты сильнее, чем признаюсь публично, и в прошлом году едва не отказалась садиться в лодку Михаила до Ушканьих островов. Разница только в том, что мой страх — временный, а твоя проблема — нет. Но это не значит, что тебе нужно улыбаться сквозь неё в одиночку.

— Спасибо, — сказала Элли тихо, — но, честное слово, я справлюсь. Просто дайте мне немного времени привыкнуть к мысли, прежде чем начнёте меня утешать хором.

Симба, стоявший чуть поодаль, неожиданно для самого себя решил вмешаться, отбросив привычную браваду, — с той неуклюжей прямотой, которая давалась ему тяжелее любых острот.

— Год назад я тоже стоял и говорил всем, что справлюсь сам, — добавил он. — С холодом, со льдом, потом с глубиной. Каждый раз оказывалось, что справляться в одиночку не обязательно, даже если очень хочется выглядеть сильным.

— Это другое, Симба, — сказала Элли мягче, чем ожидала сама. — Твои страхи проходили. Мой размер не пройдёт, сколько бы льда я ни перебоялась.

Никто не нашёлся сразу, что на это ответить, и Элли, воспользовавшись паузой, первой улыбнулась — на этот раз чуть более настоящей улыбкой, чем прежде, — показывая, что разговор на сегодня закончен, а термос чая всё ещё дожидается своего часа.

Первой парой для погружения Глафира назначила себя и Бао — «профессор с профессором, для проверки протокола», как она объяснила, — и, пока Борис в последний раз проверял герметичность люка, Бао обернулся к остальным с непривычной для себя серьёзностью.

— Я буду смотреть за нас всех, — пообещал он. — И записывать. И, возможно, впервые в жизни постараюсь запомнить больше, чем записать.

Люк закрылся с глухим металлическим стуком, кран научного судна подхватил аппарат тросом, и «Нерпа» медленно, рывками, начала опускаться с борта в воду — сперва покачиваясь на поверхности, затем, после короткой проверки по рации, окончательно уходя под воду и исчезая из виду, оставив на поверхности только расходящиеся круги.

Оставшиеся на палубе одиннадцать зверей — семеро туристов минус Бао, местные минус Глафира и Борис, который остался следить за приборами связи, — обступили рацию, из которой доносился ровный, слегка потрескивающий голос Глафиры, докладывающей глубину метр за метром.

— Десять метров. Пятнадцать. Свет ещё есть, но уже другой — синеватый, будто фильтр на объективе Мими.

— Сорок метров, — раздался следующий доклад, и Мими, слушавшая рацию с почти священным вниманием, невольно прошептала:

— Это же ровно та глубина, на которую мы смотрели через прозрачность воды в первый день. Только теперь мы смотрим не сверху вниз, а находимся прямо там.

Элли, устроившаяся у борта с обещанным термосом чая, слушала доклады молча, стараясь, чтобы лицо не выдавало того, что творилось внутри, — но когда голос Бао, наконец пробившийся через треск рации, произнёс восторженное «я вижу свет, идущий откуда-то снизу, а не сверху — не понимаю пока, откуда», она всё же не удержалась и подошла ближе к динамику, чтобы не пропустить ни слова.

— Расскажешь мне всё, когда вернёшься, — сказала она тихо, скорее рации, чем кому-либо из присутствующих. — Дважды, если понадобится. Я умею слушать не хуже, чем смотреть.

* * *

Глава 2. Прозрачность

«Нерпа» вернулась на поверхность через два часа — мокрая, поскрипывающая, с Глафирой и Бао, выбравшимися наружу с одинаковым выражением людей, увидевших больше, чем помещается в один рассказ за один вечер.

— Ну как? — первой не выдержала Мими, ещё до того, как Бао успел снять спасательный жилет.

— Есть на глубине рыба, — сказал Бао медленно, будто подбирая слова заново, — которую я, кажется, никогда не смогу правильно описать словами. Придётся показать. К счастью, следующая пара спускается уже завтра.

— Хоть что-нибудь скажи! — взмолилась Мими. — Прозрачная? Огромная? Со светом внутри?

— Прозрачная, — сдался наконец Бао, снимая жилет. — Настолько, что я поначалу принял её за игру света, а не за живое существо. И она нас разглядывала с не меньшим любопытством, чем мы её.

— Она разговаривала? — уточнил Жора, разом вспомнив рассказы про болтливого рачка, которого пока ещё никто из группы не встречал лично.

— Разговаривала, — подтвердила Глафира, аккуратно сворачивая кабель наружной связи. — Голос у неё, к слову, куда тише и спокойнее, чем у некоторых рачков, с которыми вам ещё предстоит познакомиться. Впрочем, не буду портить сюрприз — сами всё узнаете.

Симба, слушавший всё это со всё возрастающим нетерпением, наконец не выдержал.

— А кто следующий спускается? — спросил он с надеждой, явно рассчитывая оказаться в числе первых.

— Раджа и Зара, — сказала Глафира, сверяясь со списком, составленным ещё в первый день. — Очерёдность утверждена заранее, лев. Твоя пара — четвёртая.

— Четвёртая, — простонал Симба, падая на палубный шезлонг с видом человека, приговорённого к долгому и несправедливому ожиданию. — Ладно. Переживу. Как-нибудь.

На следующий день настала очередь Раджи и Зары — и именно им, спустившимся метров на пятьсот, повезло встретить существо, ради которого, как выяснилось позже, стоило пережидать целый год ожидания.

Она появилась из темноты за иллюминатором внезапно — узкая, длинная рыбка, почти лишённая чешуи, светящаяся собственным бледно-розовым цветом в свете прожектора аппарата, настолько прозрачная, что сквозь тело отчётливо просматривались очертания внутренних органов, будто кто-то нарисовал рыбу карандашом, забыв закрасить контур.

— Голомянка, — прошептала Зара, вспомнив название, которое слышала ещё зимой от Михаила. — Настоящая. Живая.

— Здравствуйте, — раздался в динамике аппарата тонкий, слегка ироничный голосок. — Я вижу, вы меня разглядываете так же внимательно, как я разглядываю вас. Меня зовут Люся, если вам интересно имя существа, за которым вы сюда специально спустились.

Раджа, не ожидавший, что рыба вообще способна вести разговор, а не просто плавать перед иллюминатором, выпрямился настолько, насколько позволяло тесное сиденье.

— Простите за прямоту, — сказал он, — но вас… видно насквозь.

— Знаю, — ответила Люся без всякой обиды, а скорее с философским спокойствием, которое Раджа сразу узнал как родственное собственному. — У меня нет чешуи, нет плавательного пузыря, а тело почти на треть состоит из жира — прозрачного, как и остальная я. На глубине пятьсот метров смысла в ярких красках или толстой броне немного: здесь никто не смотрит на тебя издалека, чтобы оценить внешность. Здесь либо видят прямо перед собой, либо не видят вовсе.

— Не тяжело — быть настолько… открытой? — спросила Зара, доставая блокнот, хотя писать в тесноте аппарата оказалось неудобнее, чем на палубе.

— Быть прозрачной значит не иметь секретов, — сказала Люся, лениво покачиваясь в свете прожектора. — Сначала кажется, что это уязвимость. Со временем понимаешь, что это, наоборот, экономия сил. Мне не нужно ничего скрывать, значит, не нужно и тратить силы на то, чтобы скрывать. Все силы уходят туда, где они правда нужны, — на то, чтобы выжить в темноте и в холоде.

Раджа помолчал, глядя на неё с тем вниманием, каким обычно одаривал только самые сложные вопросы медитации.

— У меня есть знакомая зебра, — сказал он наконец, — которая полжизни провела, разоблачая чужие секреты. Ей наверняка будет любопытно узнать, что где-то на глубине пятисот метров живёт существо, у которого секретов попросту нет от рождения.

— Передайте ей привет, — фыркнула Люся, и в этом фырканье было что-то на удивление похожее на человеческий, вернее, звериный смех. — Хотя, боюсь, моя откровенность её разочарует. У меня же для разоблачения ничего нет — я вся видна сразу, без всякого расследования.

Зара, слушавшая разговор через динамик с палубы (аппарат вёл прямую трансляцию звука наверх для тех, кто ждал своей очереди), невольно улыбнулась собственному имени, прозвучавшему на глубине пятисот метров.

— Мне уже нравится эта рыба, — призналась она вслух Мими, стоявшей рядом с термосом чая. — Хотя мы даже не встречались лично.

Внутри аппарата разговор продолжался.

— Расскажите про вашу жизнь, — попросил Раджа. — Не про глубину. Про саму жизнь.

— Не откладываю икру, — сказала Люся с явной гордостью в голосе. — Рожаю живых детёнышей — сразу сотнями, крошечных, прозрачных, как я сама. Среди рыб это редкость, почти диковина: большинство откладывает икру и уплывает по своим делам, надеясь на удачу. У меня иначе — детёныш появляется на свет уже готовым, а не запертым в скорлупе, ждущей неизвестно чего.

— А после того, как вы… — Зара замялась, подбирая деликатную формулировку.

— После того, как умираю? — закончила Люся за неё безо всякого смущения. — Тело у меня лёгкое из-за жира, легче воды, поэтому я не тону, как большинство рыб, а всплываю наверх. Если течением вынесет на берег и оставит на солнце — тело тает буквально на глазах, превращаясь в жирное пятно за считанные часы. Раньше, я слышала, местные жители собирали этот жир и жгли в лампах — я, оказывается, столетиями освещала чужие вечера уже после собственной смерти. Не самое плохое наследство для существа без единой чешуйки на себе.

— Это... поэтично и жутковато одновременно, — отозвалась Зара.

— Большая часть настоящей природы такая, — отозвалась Люся невозмутимо. — Красота редко бывает без подкладки из чего-то жутковатого. Спросите вон у того тигра, который приплыл с вами специально ради тишины и духовности, — уверена, он со мной согласится.

Раджа, услышав это, коротко и искренне рассмеялся — впервые с тех пор, как аппарат ушёл под воду.

— Она видит меня насквозь в буквальном смысле, — сказал он Заре. — И, пожалуй, в переносном тоже.

— А вам не одиноко здесь? — спросила Зара, отложив на секунду карандаш. — Одной, в темноте, так далеко от света?

Люся задумалась — насколько вообще способна была задумываться рыба, чьё лицо оставалось неизменным при любых эмоциях.

— Одиночество — забавное слово для места, где нас, голомянок, миллионы, — сказала она наконец. — Просто мы не сбиваемся в стаи, как ваши знакомые рыбы у поверхности.

Каждая из нас держится своего слоя воды, своей глубины, своего распорядка. Со стороны это можно принять за одиночество. Изнутри это больше похоже на то, что каждый занят своим важным делом и не нуждается в постоянной компании, чтобы чувствовать себя на своём месте.

— Значит, вы просто интроверты в чешуе, — заметила Зара с улыбкой, — точнее, без чешуи вовсе.

— Неплохое определение, — согласилась Люся с явным удовольствием. — Запишу его в свою несуществующую записную книжку, если вы позволите украсть формулировку для следующего гостя.

— Прощайте, — сказала Люся, начиная медленно отплывать в темноту за пределом света прожектора. — Или, точнее, до следующего погружения — уверена, кто-то из ваших друзей тоже захочет познакомиться. Предупредите их заранее: я не кусаюсь, не отравляю, вообще довольно безобидна, если не считать пары наивных легенд о том, что мой жир якобы лечит все болезни сразу. Не лечит. Просто хорошо горит в лампе.

Аппарат начал медленный подъём, и Раджа, глядя, как розовый силуэт Люси растворяется в темноте за иллюминатором, тихо заметил Заре:

— Я приехал сюда год назад искать духовность в легендах и в тишине. Сегодня нашёл её в разговоре с прозрачной рыбой, у которой нет ни единого секрета. Начинаю подозревать, что духовность вообще редко находится там, где её изначально ищешь.

Когда «Нерпа» показалась на поверхности и Раджа с Зарой, мокрые и слегка ошалевшие, выбрались наружу, вся оставшаяся компания обступила их с тем же нетерпением, с каким день назад встречала Сову и Бао.

— Ну как она выглядит? — потребовала Мими, уже наводя камеру. — Правда прозрачная?

— Прозрачнее, чем можно вообразить заранее, — подтвердила Зара, разворачивая мокрый блокнот, где страницы уже успели слегка размякнуть от случайно попавших брызг. — Я пыталась зарисовать её силуэт по памяти сразу после встречи, пока свежо, — и поняла, что не знаю, как штриховать то, через что видно скелет.

— А голос? — спросил Жора. — Правда с юмором, как рассказывал Бао?

— С юмором и с занозой внутри этого юмора, — заметил Раджа задумчиво. — Она шутит про отсутствие секретов, но за этой шуткой прячется нечто вроде мудрости, до которой я добирался годами медитации, а она, кажется, получила бесплатно вместе с прозрачным телом.

Элли, слушавшая рассказ с обычного места у борта, тихо сказала:

— Хотела бы я познакомиться с ней лично. Судя по тому, что вы рассказываете, мы бы отлично поладили — обе не умеем скрывать, что чувствуем на самом деле, даже когда пытаемся.

— Может, она согласится подняться повыше в следующий раз, — предложил Раджа с доброй улыбкой. — Хотя, боюсь, пятьсот метров — её родной дом, а не место временной командировки.

— Ничего, — сказала Элли легко, хотя в её голосе всё ещё звучала та же тщательно скрываемая грусть, что и накануне. — Расскажете мне о ней ещё раз вечером, во всех подробностях. Я неплохо умею представлять себе вещи, которые не вижу сама.

* * *

Интерлюдия. Борис под водой

Мастерская Бориса на этот раз перебралась с турбазы прямо на палубу научного судна — временный уголок с верстаком, привинченным к полу на случай качки, и разложенным по системе, понятной только самому бобру, набором инструментов, часть которых он привёз из дома, а часть одолжил у института специально для этой задачи.

Он не рассказал никому — ни Элли, ни остальным, — что именно собирается делать, и первые два вечера после погружений, когда все расходились по каютам обсуждать увиденное под водой, Борис оставался на палубе один, разложив на верстаке чертежи, которые чертил сам, без единой готовой инструкции, — вид сбоку, вид сверху, ряд цифр, зачёркнутых и переписанных заново.

Он думал о том, как устроен купол ныряльщика в старых книгах об исследовании глубин, которые нашёл в институтской библиотеке; о том, как устроен обычный аквариум, только вывернутый наизнанку — не вода внутри стекла, а воздух внутри стекла посреди воды; о том, сколько может весить достаточно толстое стекло, чтобы выдержать давление, но не настолько толстое, чтобы утянуть на дно всю конструкцию целиком.

Первый набросок он забраковал сам, не показав никому, — слишком тяжёлый купол, слишком хрупкое крепление к тросу.

На второй вечер к нему заглянул Тимофей — с обходом вечерних показаний приборов, — и, увидев разложенные чертежи, замер у входа в импровизированную мастерскую.

— Это для… — начал он и осёкся, будто боялся произнести вслух то, о чём и так уже догадался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.